УДК 340

Абазов А.Х.

О МЕСТЕ И РОЛИ ТРЕТЕЙСКИХ СУДОВ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ КАБАРДЫ В КОНЦЕ XVIII – XIX ВВ.

В статье определяется роль и место третейских (посреднических, медиаторских) судов в судебной системе Кабарды в конце XVIII – XIX в. На основе анализа широкого круга источников и литературы устанавливается, что в этот период судебном процессе применялись те элементы традиционной правовой культуры кабардинцев, которые не противоречили российским законам.

In the article the role and a place of the arbitration (intermediary) courts in the Kabarda's judicial system at the end of the XVIII – XIX century is defined. On the basis of the analysis of a wide range of the sources and literature is established that during this period trial those elements of traditional legal culture of the Kabardians which didn't contradict the Russian laws were applied.

Ключевые слова: *кабардинцы, третейские (посреднические) суды, правовая система, судебная система, правовая культура, обычное право.*

Key words: *The Kabardians, arbitration (intermediary) courts, legal system, judicial system, legal culture, common law.*

В конце XVIII – XIX в. в Кабарде поэтапно происходило формирование многоуровневой судебной системы. Судебные органы представляли собой сложноподчиненную иерархию, каждое звено которой выполняло строго определенные функции. В ходе интеграции Кабарды в правовое пространство Российской империи власти пытались сохранить основные элементы традиционной правовой культуры коренных народов и вырабатывали определенные модели их функционирования в судах, создаваемых по российскому образцу. В этой системе особое место занимали третейские (посреднические, медиаторские) суды кабардинцев.

Некоторые аспекты функционирования третейских судов кабардинцев рассматривались в трудах Н.Ф. Грабовского [1, с. 1 – 72], В.К. Гарданова [2], Х.М. Думанова и Ю.М. Кетова [3], Д.Н. Прасолова [4], А.Х. Абазова [5, с. 244 –275] и др. Кроме того, деятельность этих судов в 60-е гг. XIX – начале XX в. была подробно рассмотрена в работе И.Л. Бабич [6, с. 74 – 101]. Она исследовала основания возникновения разбирательств с участием третейских судей (медиаторов), особенности комплектования и компетенцию медиаторских судов, охарактеризовала ход разбирательства и порядок вынесения решений, сроки рассмотрения споров, формы обеспечения исполнения решений суда и т.п. Ее работа во многом создает условия для более глубокого исследования особенностей инкорпорации некоторых элементов традиционной правовой культуры кабардинцев в судебную систему Российской империи в этот период. Несмотря на это, поставленная проблема до сих пор не стала предметом специального исследования.

Разбирательство споров третейскими судьями у кабардинцев в конце XVIII – XIX вв. имело схожие черты с традиционными судебными институтами, функционировавшими до начала российского влияния в регионе. Некоторые элементы третейского судопроизводства черкесов были описаны еще европейскими путешественниками начиная с XV в. Так, итальянский путешественник, географ и этнограф Дж. Интериано, посетивший Черкесию во второй половине XV в., писал, что «нет у них (черкесов. – А.А.) ни судей, ни каких-либо писаных законов. Сила или смекалка либо третейский суд разрешает споры между ними (курсив наш)» [7, с. 48]. Большинство исследований о судопроизводстве у кабардинцев в XVII – XVIII вв. основываются на сведениях Ш.Б. Ногмова, который указывал на народное предание о создании в первой половине XVI в. судов «хеезжа» и «хе» («хей») верховным

князем Кабарды Бесланом Джанхотовым [8, с. 113]. Он отмечал, что «Беслан (Б. Джанхотов – А.А.) в продолжение управления своего кабардинским народом желал улучшить и упрочить его благосостояние и первый учредил в своих аулах, в каждом по одному “хеезжа”, т.е. третейский суд, в котором разбирались все дела, кроме уголовных, и жалобы местных жителей... Жалобы же на судей, так же и относящиеся до всего народа дела решались под председательством самого князя “хе”, т.е. в главном суде, учреждавшемся в постоянном месте жительства князя» [8, с. 62]. На рубеже 60 – 70-х гг. XIX в. исследователь истории судебных учреждений в Нальчикском округе Н.Ф. Грабовский обращал внимание на тот факт, что «у кабардинцев издавна существует обычай отдавать свои дела на решение выбираемых тяжущимися сторонами посредников-медиаторов» [1, с. 19]. И.Л. Бабич отмечала, что до включения региона в состав Российской империи у черкесов «существовали и некоторые формы «женского» посредничества» [9, с. 32]. Она писала, что «согласно нормам обычного права, совершивший убийство человек, мог прибегнуть к покровительству женщины, скрывшись на ее половине дома» [9, с. 32]. Чтобы отомстить виновному, кровник должен был дождаться, когда преступник покинет дом женщины [10, с. 288]. Если вследствие преступления пострадало имущество группы людей или целого общества (дороги, мосты, пашни), любой общинник имел право ходатайствовать о проведении разбирательства с участием медиаторов. Если же спор затрагивал интересы всей общины, «медиаторский суд мог быть создан и по просьбе сельского старшины» [9, с. 85].

В конце XVIII – XIX вв. некоторые элементы традиционного судопроизводства кабардинцев стали применяться в различных судах, создаваемых российскими властями в регионе. Кроме того, в этот период не была нивелирована и традиционная форма посреднических разбирательств. Основным условием их функционирования было то, чтобы они в своей практике не нарушали российское законодательство.

Медиаторы (судьи, посредники) в своей деятельности руководствовались нормами обычного права и шариата. Кабардинцы для обозначения медиаторских судов применяли специальный термин – «мэндэтыр» [11, с. 1].

Деятельность посреднических судов в XIX в. не носила постоянного характера. Заседания назначались по мере поступления жалоб или просьб о производстве разбирательств. Заявителями традиционно могли быть как потерпевший и его близкие родственники, так и любое заинтересованное лицо. Состав этого суда также не был постоянным. Для каждого отдельного разбирательства, как правило, назначались по пять медиаторов: по два от каждой стороны – участницы процесса и одноаульца, занимавшего нейтральную позицию [9, с. 80]. В определенных случаях медиаторов могло быть и больше. И.Л. Бабич отмечала, что «их количество зависело от важности или сложности рассматриваемого дела» [9, с. 80]. Существовало правило, согласно которому «одна сторона не могла дать отвод тем медиаторам, которых выбрала противоположная, и наоборот» [9, с. 80].

Медиаторами избирались наиболее авторитетные жители аула. Кандидатами в медиаторы становились сельчане независимо от их сословной принадлежности. В исторической памяти кабардинцев сохранился специальный термин, который применялся для обозначения этой категории участников процесса. Кандидатов в медиаторы называли лIы губзыгъэ (букв. умный мужчина) уважаемые, авторитетные жители аула, которые хорошо знали народные обычаи и традиции. Кроме того, из их числа в 1869 – 1917 гг. избирались сельские судьи и кандидаты в сельские судьи [12, с. 39]. И наоборот, в последней трети XIX в. медиаторами иногда выбирали членов сельского суда [12, с. 25] или членов Нальчикского горского словесного суда [13, с. 6]. В этих случаях участники разбирательств давали соответствующие расписки.

Суд посредников, как правило, принимал к рассмотрению дела о возмещении ущерба за воровство и причинение телесных повреждений. Были случаи, когда медиаторами назначалась материальная компенсация за убийства («цена крови») [5, с. 259].

В.Х. Кажаров отмечал, что основная проблема в области судопроизводства в 20 – 40-х гг. XIX в. состояла в том, что, «ликвидировав в значительной степени местную традиционную власть в адыгской общине, российская администрация ликвидировала и рычаги, с помощью которых медиаторам удавалось заставлять участников рассматриваемых ими конфликтов выплачивать компенсации в срок» [14, с. 417 – 425]. В какой-то степени таким гарантом

стали официальные судебные органы Российской империи в регионе. В результате формировалось сочетание традиционных элементов правовой культуры кабардинцев и судебно-процессуальных порядков, привнесенных в ходе интеграции Кабарды в состав Российской империи [14, с. 417 – 425].

До включения Кабарды в правовое пространство Российской империи решение третейских судов выносились в основном в устной форме. В XIX в. решения медиаторских судов стали оформляться в письменном виде и фиксировались на русском языке. Общепринятой считалась форма в виде подписки, составленной представителями спорящих сторон. Основные позиции, которые подлежали отражению в таких документах, как правило, содержали краткую характеристику рассматриваемого дела, реквизиты медиаторов (фамилия, имя, социальный статус, должность, кем назначен на должность медиатора), соглашение сторон о безапелляционности предстоящего разбирательства, подписи [15, с. 10; 16, с. 3]. Документ подписывался всеми судьями. Его копии получали участники конфликта, сельский старшина и судьи горского суда [6, с. 89]. Так, например, в 1881 г. в деле «об убийстве жителем селения Куденетово Т. своего односельчанина Т.» стороны дали подписку на русском языке, направленную в Нальчикский горский словесный суд, о том, что желают «окончить миролюбиво обычным порядком, а потому избирают медиаторов: со стороны родственников убитого Т. – генерал-майора Кайсына Анзорова и Кургоко Куденетова, а со стороны убийцы Т. – подпоручика князя Наурузова и Мурзабека Куденетова, которым предоставляется окончить это дело с участием всех членов Горского словесного суда и народного кадия Тагира Балкарова» [17, с. 60]. В случае положительного решения этого вопроса медиаторами стороны дали обязательство прекратить всякую вражду по этому вопросу [15, с. 10].

В качестве примера в данном случае можно также сослаться на уже упомянутое в настоящем исследовании дело «об убийстве жителем селения Куденетово Т. своего односельчанина Т.» [15, с. 10]. Медиаторское решение по этому вопросу было направлено на утверждение в Нальчиский горский словесный суд в следующем виде: «1881 года января 2-го дня, мы, нижеподписавшиеся, генерал-майор Кайсын Анзоров, прапорщик Кургоко Куденетов, подпоручик князь Магомед Наурузов, юнкер Мурзабек Куденетов – с участием членов Нальчикского горского словесного суда – князя Асланбека Атажукина, юнкера Хакяши Астемирова, Маши Карова и народного кадия Тагира Балкарова – рассмотрев дело о смертельном ранении Т. односельца своего Т., определили: 1. Виновный Т. обязан не являться до окончательного примирения в сел Куденетово; 2. О сего числа в течение одного месяца Т.-ы (родственники убийцы. – А.А.) должны совсем переехать в другое селение; 3. Т.-ы (родственники убийцы. – А.А.) обязаны избегать встреч с родственниками убитого Т. и не ходить в мечеть, которую посещают Т. (родственники убитого. – А.А.); 4. При встречах Т.-ы (родственники убийцы. – А.А.) обязаны давать дорогу Т. (родственникам убитого. – А.А.), а они не должны их преследовать; 5. При неисполнении какого-либо из этих условий неисполнившая сторона уплачивает штраф в пользу кабардинской общественности сто рублей; 6. За кровь убитого Т. Т.-ы (родственники убийцы – А.А.) обязаны уплатить в пользу его семейства пятьсот рублей… (указан срок уплаты. – А.А.). Кроме того, приготовить примирительное угощение из тридцати столиков и сварить бузу, положив туда три пуда меда, а также подарить Т.-ым (родственникам убитого. – А.А.) лошадь, стоящую не менее пятидесяти рублей» [18, с. 15].

Считается что до включения Кабарды в состав России решения третейских судов были безапелляционными и окончательными [17, с. 59]. Однако в последней трети XIX в. недовольные решением посреднического суда участники процесса подавали жалобы и повторные иски в Нальчикский горский словесный суд или сельские суды [1, с. 19]. На это в 1870 г. в своей работе указывал и Н.Ф. Грабовский, который писал, что «нередко случалось, что какая-либо из сторон тяжущихся, недовольная этим (медиаторским. – А.А.) решением переносит жалобу в суд. В некоторых случаях решения третейских судов вступали в законную силу после их официального утверждения в Нальчикском горском словесном суде [19, с. 12].

С течением времени были выработаны негласные правила, регламентировавшие порядок и процедуру принятия решений третейскими судами. Так, прежде чем приступить к разбирательству, медиаторы в устной форме получали от сторон подтверждение согласия на рассмотрение дела и обязательство исполнить постановление суда независимо от

его исхода. В большинстве случаев разбирательства проходили тайно. Стороны не извещались о времени и месте заседания. Обычно разбирательство продолжалось в течение одного дня, после чего решения суда посредников подлежали обнародованию [11, с. 13].

Нормы обычного права кабардинцев и шариата не устанавливали строгих сроков производства медиаторских разбирательств и исполнения решений медиаторов. Как правило, судебный процесс с участием посредников по одному делу не превышал четырех месяцев [6, с. 97]. По делам о назначении «цены крови» процессуальные сроки не превышали двух – трех месяцев. Сложнее дело обстояло с урегулированием конфликтов о причинении ран и телесных повреждений. Здесь разбирательство длилось от шести месяцев до года. Иногда медиаторы ждали полного выздоровления потерпевшего [20]. Часто в самом медиаторском решении указывалась причина такой задержки [6, с. 97].

Основным видом доказательств во время третейских разбирательств в конце XVIII – XIX в. оставались свидетельские показания, клятвы-присяги, очистительные присяги. Некоторые вопросы функционирования института присяжных свидетелей, роли и места клятв (присяг) в общественной жизни адыгских народов затрагивались в работах многих кавказоведов [21, с. 260; 22; 23; 24, с. 44; 25, с. 34; 26, с. 90; 27].

Значение присяги возросло с усилением роли мусульманства и его влияния на трансформацию большинства институтов в обычном праве кабардинцев. Это дополнялось еще и тем, что лжесвидетельство (лжеприсяжничество, клятвопреступничество) на долгие годы дискредитировало фамилию провинившегося. В «Полном собрании кабардинских древних обрядов» (1844) была зафиксирована мера наказания за лжесвидетельство, которая выражалась в том, что виновного сажали «лицом к хвосту на лошадь и возили по многолюдной улице, называя анафемою» [28, с. 255]. Этот обычай у кабардинцев известен под названием «шыкIэкъешэкI» [27, с. 193]. Человек, который когда-либо был уличен в лжесвидетельстве, не мог больше принимать участие в качестве свидетеля в судебных разбирательствах разного уровня [29, с. 3]. Б.Х. Бгажноков писал о клятве-присяге, что «она признавалась священной, нерушимой. Считалось, что лучше умереть, чем изменить слову или обязательству, данному под присягой» [26, 90].

Здесь следует особо отметить, что такая форма доказательств активно использовалась при решении споров в судебных органах, учрежденных в Кабарде после 1822 г. Во-первых, это не противоречило принципам правосудия Российской империи; во-вторых, учитывалось особое отношение кабардинцев к присягам, клятвам. Поэтому показания свидетелей нередко играли определяющую роль при вынесении судьями того или иного решения [30, с. 3 об.].

В середине XIX в. была выработана универсальная форма принятия присяги, что нашло отражение в делопроизводственных документах. Как правило, в письменном виде присяга оформлялась эфендиями, принимавшими участие в судебных разбирательствах, на арабском языке с обязательным его переводом на русский [16, с. 6; 31, с. 20]. Однако принесение присяги в суде было прежде всего добровольным, и участники процесса не могли принуждаться к этому. Случалось, что «назначенные к оправданию обвиняемых присягатели отказывались от принятия присяги, потому что они давали обязательства, чтобы ни на какое дело не присягать» [32, с. 7].

Развитие институтов присяги и свидетельских показаний у кабардинцев в последней трети XIX в. сделало возможным дифференциацию свидетелей на несколько групп в зависимости от формы их участия в третейском разбирательстве. Так, среди них можно выделить: присяжных свидетелей (тхьэрыIуэ щыхъэт); тайных доказчиков-предетелей (хашэ), свидетелей тайных доказчиков (хашэ щыхъэт).

В последней трети XIX в. в ходе третейских разбирательствах часто принимали участие так называемые свидетели под присягой (тхьэрыIуэ щыхъэт), чьи показания играли важную роль в принятии решения по тому или иному спору. Слова ответчика сопровождались присягою людей, известных своей честностью и обязательно не связанных родственными узами с обвиняемым. Считалось, что тхьэрыIуэ щыхъэт мог стать только человек, в полной мере выполнявший все религиозные обряды [33, с. 1]. ТхьэрыIуэ щыхъэт не могли стать люди с плохой репутацией и люди, рожденные от незаконных браков [26, с. 97].

Услугами тхьэрыIуэ щыхъэт пользовались и в тех случаях, когда потерпевший не соглашался с по-

казаниями обвиняемого. Функция тхьэрыIуэ щыхъэт заключалась в принятии присяги о невиновности подсудимого. Перед присягой они обязаны были изучить обстоятельства дела, как правило, для этого родственники подсудимого давали клятву о его невиновности в присутствии присяжного свидетеля [34, с. 12].

Если тхьэрыIуэ щыхъэт был убежден в невиновности подозреваемого, то соглашался принимать присягу. После этого судьи или медиаторы в отношении подозреваемого выносили оправдательный приговор. Напротив, отказ тхьэрыIуэ щыхъэт от дачи такой присяги косвенно доказывал вину подсудимого [34, с. 12].

Во второй половине XIX – начале XX в. в судопроизводстве с участием кабардинцев получила широкое распространение особая категория свидетелей – хашэ (тайный свидетель, предатель). Хашэ, человек, которому были известны подробности того или иного преступления, личность преступника и т.п. Желая сохранить свое имя в тайне, хашэ лично не принимали участие в судебном процессе. Их показания передавали суду хашэ щыхъэт (свидетели тайного доказчика). Как правило, в судебном разбирательстве было достаточным участие не менее 2 хашэ щыхъэт. В роли хашэ могли выступать как односельчане преступника, так и жители других селений. Они не пользовались уважением в народе, их презирали. У кабардинцев по этому поводу сохранились следующие поговорки: «Адыгъэл хашэркъым» [35, с. 11] (букв. «Адыгский мучжина не станет предателем»); «Уэркъ хашэ и хабзэкъым» (букв. «выдавать тайну – не в обычае дворянина») [14, с. 334].

За свои услуги хашэ получал вознаграждение (хашапщIэ), размер которого позже включался в итоговую сумму иска.

В целом в конце XVIII – XIX в. роль третейских судов в правоприменительной практике кабардинцев постоянно возрастала. В судебном процессе применялись те элементы традиционной правовой культуры кабардинцев, которые не противоречили российским законам.

Литература

1. *Грабовский Н.Ф.* Очерк суда и уголовных преступлений в Кабардинском округе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. IV. Тифлис, 1870.

2. Материалы по обычному праву кабардинцев (первая половина XIX века) / Сост. и автор предисловия и комментариев *В.К. Гарданов*. Нальчик, 1956.

3. *Думанов Х.М., Кетов Ю.М*. Адыгэ хабзэ и суд в Кабарде во второй половине XVIII–XIX веке. Нальчик, 2000.

4. *Прасолов Д.Н.* К вопросу о роли института посредничества в социальной практике пореформенной Кабарды // KVKZ.RU. URL: http://kvkz.ru/history/2567-k-voprosu-o-roli-instituta-posrednichestva-v-socialnoy-praktike-poreformennoy-kabardy.html (дата обращения: 25.05.2012).

5. *Абазов А.Х.* К вопросу о формировании понятийного аппарата юридической антропологии кабардинцев // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа: Сборник статей к 60-летию *В.Х. Кажарова.* Нальчик, 2009.

6. *Бабич И.Л.* Эволюция правовой культуры адыгов. М., 1999.

7. *Интериано Дж*. Быт и страна зихов, называемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв., составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам *В. К. Гарданова*. Нальчик, 1974.

8. *Ногмов Ш.Б*. История адыхейского народа, составленная по преданиям кабардинцев / Напечатана с подлинной, исправленной рукописи и дополнена предисловием, биографией автора, примечаниями и приложениями *Ад. П. Берже*. Тифлис, 1861.

9. *Бабич И.Л*. Указ. соч. М., 1999.

10. Неизвестный автор. Описание кабардинцев, 1815–1818 гг. // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. Т. 13. Нальчик, 1957.

11. Научный архив Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (далее. – Архив КБИГИ), Ф. 10. Оп. 1, ед. хр. 14.

12. Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 27.

13. Центральный государственный архив Кабардино-Балкарской республики (далее ЦГА КБР), ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 158.

14. *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Нальчик, 1994.

15. ЦГА КБР, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 270.

16. ЦГА КБР, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 244.

17. *Катанчиев Т.М.* Кабардинское обычное право и его особенности. Нальчик, 2003.

18. ЦГА КБР, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 628.

19. ЦГА КБР, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 402.

20. ЦГА КБР, ф. И-22, оп. 1, ед. хр. 272; 1531; 1943, Т. 4; 2181.

21. *Хан-Гирей*. Князь Пшьской Аходягоко // Хан-Гирей. Избранные произведения (Подготовка и вступительная статья к. филол. н. Р.Х. Хашхожевой). Нальчик, 1974.

22. *Кудашев В.Н*. Исторические сведения о кабардинском народе. Киев, 1913.

23. Материалы по обычному праву кабардинцев (первая половина XIX века) / Сост. и автор предисловия и комментариев *В.К. Гарданов*. Нальчик, 1956.

24. *Думанов Х.М., Кушхов Х.С*. К вопросу о судоустройстве и судопроизводстве в Кабарде во второй половине XIX – начале XX в. // Культура и быт адыгов. Майкоп, 1986. Вып. 4.

25. *Мусукаев А.И., Герондоков М.Х*. Идеологическое и общественное единство в жизни горцев. Нальчик, 1989.

26. *Бгажноков Б.Х*. Адыгские клятвы // Общественные быт адыгов и балкарцев. Нальчик, 1986.

27. *Думэн Хь.М.* Адыгэхэм я дауэдапщэхэр этнографие терминхэм я псалъалъэ кIэщI. Налшык, 2006.

28. *Леонтович Ф.И*. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Восточного и Северного Кавказа. Одесса, 1882. Вып. 1.

29. ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 33.

30. ЦГА КБР, ф. И-23, оп. 1, ед. хр. 138.

31. ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 163.

32. ЦГА КБР, ф. И-24, оп. 1, ед. хр. 19.

33. Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 5.

34. Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 2.

35. Архив КБИГИ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 12.

УДК 394.0 (471.632)

Абайханова П.И.

ОСОБЕННОСТИ ИНСТИТУТА ИСКУССТВЕННОГО РОДСТВА У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Статья посвящена изучению специфики древнейшего института искусственного родства – аталычества у народов Северного Кавказа, в частности у карачаевцев. Особое внимание уделено истокам и становлению древнего обычая. Выявлена специфика аталыческих отношений у различных народов Северо-Кавказского региона (балкарцев, кабардинцев, осетин, ногайцев и др.), раскрыт их классовый характер.

The article is devoted to study of specific of the most ancient institute of artificial cognation – atalychestvo for the people of North Caucasus, particularly in Karachay. The special attention is spared to sources and becoming of ancient consuetude. The specific of atalycheskie relations is exposed for the different people of the North Caucasian region (balkarians, kabardians, ossetins, nogaytsi and others), their class character is exposed.

Ключевые слова: *трансформация, классовый характер, князья, уздени, обычай, воспитанник, молочное родство, искусственно создаваемые родственники, генезис, институт аталычества, молочный сын, молочная дочь.*

Key words: *transformacya, class character, princes, uzdeni, consuetude, pupil, suckling cognation, artificially created relatives, genesis, institute of atalychestva, suckling son, suckling daughter.*

Проблема искусственного родства, имевшая место у всех народов Северного Кавказа, в последнее время привлекает внимание исследователей различного гуманитарного направления, в част-